

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.05

Правильная ссылка на статью:

Дроздова Ю. А. Социальный ресурс национальных диаспор в адаптации и интеграции мигрантов в полиэтничном регионе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 82—96. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.05.

For citation:

Drozдова Yu. A. Social resource of ethnic diasporas in migrants' adaptation and integration in a multiethnic region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 82—96. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.05.

Ю. А. Дроздова

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНЫХ ДИАСПОР В АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНЫХ ДИАСПОР В АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

SOCIAL RESOURCE OF ETHNIC DIASPORAS IN MIGRANTS' ADAPTATION AND INTEGRATION IN A MULTIETHNIC REGION

ДРОЗДОВА Юлия Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Волгоградский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Волгоград, Россия.

E-MAIL: juliadrozдова@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6864-1416

Yulia A. DROZDOVA¹ — Cand. Sci (Soc.), Associate Professor
E-MAIL: juliadrozдова@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6864-1416

¹ Volgograd Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) Branch, Volgograd, Russia

Аннотация. Основываясь на данных социологического исследования, включавшего количественные (опрос населения Волгоградской области, $n = 500$, июль—август 2016; опрос мигрантов, Волгоградская область, $n = 150$, июль—сентябрь 2016) и качественные (экспертные интервью, Москва, Санкт-Петербург, Волгоград,

Abstract. Drawn upon the data of a sociological study which included quantitative (survey among the residents of the Volgograd region, $n = 500$, July—August 2016; migrant survey, Volgograd region, $n = 150$, July—September 2016) and qualitative methods (expert interviews in Moscow, St Petersburg and Volgograd in July-October 2016; in-depth interviews

июль-октябрь 2016; глубинные интервью с иммигрантами, Волгоградская область, июль—октябрь 2016; курс-анализ транскриптов интервью) методы, автор анализирует современные дискурсы в изучении национальных диаспор и их роли в адаптации и интеграции иммигрантов. Адаптация как первичная стратегия в регионе/стране — реципиенте предполагает помощь диаспор в оформлении документов (регистрация, получение патентов, миграционный учет), поиске работы и жилья, консультирование по различным вопросам: от бытовых до правовых. Интеграция иммигрантов — более длительный процесс, который предполагает абсорбцию диаспор, преодоление социокультурной дистанции, снижение конфликтности и аккомодацию в иноязычное сообщество и одновременно увеличивает темпы миграции, содержит потенциальные социальные риски, связанные с увеличением возможностей для лоббирования интересов национальных групп, образования анклавов и экономической сегментации, усиления криминальных связей, усложнения сложно-контролируемых транснациональных коммуникаций с использованием информационных технологий, создающих угрозы региональной безопасности. Эти неоднозначные, разновекторные процессы свидетельствуют о повышении рискогенности в принимающих обществах вследствие миграционных процессов, и их рефлексия определила цель исследования, заключающуюся в выявлении трансформирующихся функций национальных диаспор, обеспечивающих их социальный ресурс в адаптации и интеграции прибывающего населения.

with immigrants in Volgograd region in July—October 2016; discourse analysis of interview transcripts), the article provides an analysis of the modern discourse devoted to national diasporas and their role in the adaptation and integration of immigrants. Adaptation, being a primary strategy in the recipient region/country, refers to the assistance in document submission (registration, receipt of patents, migration registration), housing and job search, providing advice on various issues — from daily life problems to legal issues. Migrant integration is a longer process which consists in the diasporas' absorption, overcoming socio-cultural distance, decreased propensity towards conflicts and migrant's adjustment in a foreign community; integration also increases the migration rates and contains potential social risks as it provides more opportunities for the activities of the ethnic interest groups, formation of enclaves and economic segmentation, intensifies criminal connections and adds complexity to hard-to-control transnational communication due to the use of information technologies which threaten regional security. These ambiguous and multidirectional processes prove that the recipient communities are increasingly at risk, and their "self-reflection" defines the purpose of the study which is to reveal the changing functions of the national diasporas that help to maintain their social resource during adaptation and integration of the arriving persons.

Ключевые слова: национальные диаспоры, полиэтничный регион, миграционные риски, адаптация, интеграция, абсорбция диаспор, этнонациональные объединения, мультикультуральная модель

Keywords: national diasporas, multiethnic region, migration risks, adaptation, integration, absorption of diasporas, ethno-national associations, multicultural model

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ».

Acknowledgment. The paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant no. 16-13-34011 “Migration risks in a multiethnic region: sociological and managerial review”).

Введение

Изменения адаптивных или интегративных стратегий национальных диаспор, которые в современных условиях не представляют собой рассеянные по всему миру этнические группы, сконцентрированные на территориях, отдаленных от «исторической родины», а проживают на границах и в непосредственной близости от государств, гражданами которых они когда-то были, или гражданами которых стали в результате распада СССР. Диаспоральность можно рассматривать как особый тип социальных взаимодействий, специфическую систему взаимосвязей и взаимозависимостей, поведенческих стратегий, характеризующуюся сплоченностью и солидарностью между ее представителями как в стране-реципиенте, так и в стране исхода. Диаспоры, как сложный и неоднозначно понимаемый феномен, в условиях растущей миграции приобретают несвойственные им ранее функции, например, могут играть роль своеобразного «магнита» для увеличения миграционных потоков, что создает дополнительные риски для принимающего населения и видоизменяет семейные, родственные, дружественные, экономические, профессиональные связи в определенном социальном пространстве. Усиление политической функции, противоречивая позиция «этнополитических элит», формирующих клановость; неготовность органов власти к новым, соответствующим не только ситуационному управлению (что проявляется в период террористических угроз, межнациональных конфликтов, споров с трудовыми мигрантами), но и стратегическому управлению формами взаимодействия, — все это определяет новую социальную реальность, нуждается в исследовании, осмыслении и разработке политики взаимодействия с национальными диаспорами. На наш взгляд, диаспоры остаются неосвоенным ресурсом миграционной политики, который при грамотном управлении способен быть фильтром для минимизации миграционных рисков, неформальным/внеформальным/формальным каналом коммуникации, способствующим интеграции мигрантов и предотвращению нелегальной миграции.

Теоретико-методологические основания исследования

Новые социальные реалии, связанные с миграционной ситуацией во всем мире, масштаб миграционных потоков в России и Европе, носящий волнообразный

характер, актуализировали внимание исследователей к национальным диаспорам и их роли, с одной стороны, как притягивающего фактора в пространстве принимающих полиэтнических регионов, а с другой — как неосвоенного адаптационного и интеграционного ресурса для прибывающего населения. Современный подход, представленный в работах П. Коллиера [Коллиер, 2016], Р. Брубейкера [Брубейкер, 2000] и Г. Шеффера [Шеффер, 2003], акцентирует внимание на эволюции понятия «диаспора», абсорбции диаспор в регионах/странах — реципиентах и влиянии этого процесса на темпы миграции.

Несмотря на то, что термин «диаспора» употребляется в научной литературе достаточно часто, не во всех случаях дается его толкование, или он имеет различную интерпретацию. Данный термин отличается от таких понятий, как «этнические общности», «этнические меньшинства», «этнические группы», хотя и предполагает общность характеристик и оснований: объединение людей единого этнического происхождения, осознающее свою национальную идентичность и стремящееся к ее сохранению. Термин «диаспора» имеет греческое происхождение (*diaspora*) и обозначает «рассеивание», «распыление», когда определенная часть народа находится вне страны его происхождения. Это понятие стало употребляться в историческом контексте при рефлексии форм, способов, условий многовекового существования еврейского народа в отрыве от страны исхода и нахождения иудеев и евреев среди множества различных народов, культур и религий. Современный дискурс, объясняющий увеличившиеся миграции населения, характеризуется широким диапазоном употребления данного термина в идентификации не только национальных групп, но и религиозных, при этом акцентирует внимание на таких составляющих, как отличие иммигрантов по этнической принадлежности от населения страны-реципиента (этническая составляющая), где они составляют абсолютное меньшинство по отношению к принимающему населению и находятся вне своего «национального очага» (территориальная составляющая); стремление сохранить свою национальную и религиозную идентичность, коллективную память, представление или мифы о своей первой родине, о ее истории и достижениях (когнитивная составляющая); солидарные взаимоориентированные связи для поддержания представителей диаспоры и существования, безопасности и процветания своей первой родины, сильная помощь (в том числе финансовая) ее развитию (поведенческая составляющая); уверенность, что иммигранты не стали и не станут полностью «своими» для «принимающего» общества, осознание (иногда ситуационно) отчужденности и оторванности, ностальгия по стране исхода, мечта, как правило, нереализуемая, о возможном возвращении на «истинную родину» (эмоциональная составляющая); возможность мгновенной консолидации, осознание своей идентичности как последствия «социальной травмы» [Штомпка, 2001] (военные конфликты, вынужденная миграция по политическим, религиозным причинам) и появление «диаспоры катаклизма» [Брубейкер, 2000]; культурная, религиозная и/или политическая связь с первой родиной, которая существенно сказывается на диаспорных общественных институтах (культурные центры, этнонациональные объединения, диаспорные СМИ) (институциональная составляющая) [Cohen, 1997, Сафран, 2004, Шеффер, 2003, Дятлов, Мелконян, 2009].

Методы исследования

В ходе исследования, результаты которого легли в основу данной статьи, использовались следующие методы: 1) опрос населения Волгоградской области, $n = 500$, июль-август 2016 г.; 2) опрос мигрантов, Волгоградская область, $n = 150$, июль-сентябрь 2016 г.; 3) экспертные интервью, Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, июль-октябрь 2016 г., $n = 35$; 4) глубинные интервью с иммигрантами, Волгоградская область, июль-октябрь 2016 г., $n = 15$; 5) дискурс-анализ экспертных и глубинных интервью.

Цель исследования заключалась в выявлении трансформирующихся функций национальных диаспор, обеспечивающих их социальный ресурс в адаптации и интеграции прибывающего населения, с тем, чтобы на их основе разработать практические рекомендации по формированию солидарных связей и мультикультуральной модели взаимодействия в полиэтничных регионах.

Исследование и результаты

В связи с многоаспектностью, сложностью и — одновременно — с широким использованием термина «диаспора» в качестве междисциплинарной научной дефиниции, по мнению исследователя этнических и миграционных процессов Л. М. Дробижевой, одного из информантов в экспертных интервью в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (далее — грант РФФИ), «чрезвычайно актуальным представляется понимание, что такое диаспора», особенно в связи с новой тенденцией необдуманного употребления данного термина по отношению к людям другой национальности, культуры. Новым и весьма спорным является использование термина «диаспора» для внутренней миграции: «...Вот у нас иногда эти группы называют диаспорными группами, это неправильно. Диаспорные группы — это те, которые из других стран. У нас всех называют диаспорными. Например, татары очень обижаются, когда их называют диаспорами, ведь они практически коренные жители» (Л. М. Дробижева, экспертное интервью, Москва, июль 2016 г.).

На наш взгляд, при таком «новодельном» подходе в данной дефиниции акцентируется внимание на «отдаленности/отделенности» от центра происхождения внутренних мигрантов, периферийном проживании вне региона исхода (для Волгоградской области — чеченцы, калмыки, дагестанцы и т. д.), что неверно. Данная противоречивость терминологического ряда также актуализирует исследование диаспор, их характеристик, функций и роли в пространстве полиэтничных регионов.

Профессор Ж. Т. Тощенко дает следующее определение: «диаспора — это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в ином национальном окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» [Тощенко, 1997: 80].

Применение термина «диаспора» также спорно для армян и украинцев, традиционно проживающих на территории России. С одной стороны, согласно Р. Брубейкеру, их можно отнести к новому понятию «диаспоры катаклизмов», появление которых связано с распадом СССР, изменением политических границ. Длительное проживание представителей данных народов на принимающих тер-

риториях обеспечило абсорбцию и сформированную региональную идентичность, но у армян это связано с сохранением общей национальной идеи, непреходящим переживанием «социальной травмы» (геноцид, Карабах и т. д.), сплоченностью, ярко выраженной идейно-политической функцией армянских организаций. Мы можем говорить о «мобилизированной» (укоренившейся) (Дж. Армстронг) этнонациональной диаспоре армян, отличающейся высокой сплоченностью и постоянно привлекающей представителей своего народа в страну/регион — реципиент. Независимо от времени проживания армяне сохраняют национальное самосознание и мечтают вернуться в страну исхода: *«У нас на Родине очень красиво, и еда такая, и воздух... Вкусно. Когда-нибудь обязательно вернусь...»* (армянин, 54 года, 35 лет проживает в Волгограде). Армянская и украинская диаспоры на территории России, на наш взгляд, являются нестандартным исходным пунктом в диаспорологическом дискурсе и, согласно новым классификациям, диаспора представляет особый тип взаимоотношений, поведения, жизненных стратегий и практик людей, коллективные связи, групповую солидарность и сплоченность, основанные на представлениях об общей родине. Идейно-политическая направленность самоорганизации, интерес и участие в развитии «исторической родины» — все это позволяет говорить не об этнической «общине», «землячестве» или «сообществе», а именно о диаспоре, что находит отражение в названиях этнокультурных объединений и высказываниях информантов: *«Наша диаспора оказывает адресную помощь особо нуждающимся, вынужденным переселенцам, часто помогаем в подготовке документов, консультируем отдельных граждан. Нами оплачиваются нотариальные удостоверения и оказываются бесплатные услуги по переводам. Диаспора не оставила в беде семью Авагян, трое полных сирот...»* (Г. О. Кочарян, руководитель ВГО «Армянская диаспора», сентябрь 2016 г.).

В. Дятлов, исследуя диаспоры [Дятлов, 1999], отмечает, что данные этнические общности, помимо способностей к самоорганизации и самодостаточности, в силу особой формы существования в отрыве от этнического материка в ходе исторического развития в условиях рассеивания приобрели новые качества и свойства, определяемые автором как «диаспоральность» [Дятлов, 1999: 19—20]: умение найти свое место в системе разделения труда и социальных ролей принимающего общества; особые культурные и психологические характеристики (подвижность, динамизм, предприимчивость, даже авантюризм, умение быстро ориентироваться в совершенно новых и быстро меняющихся обстоятельствах, чрезвычайно высокая степень адаптивности, приспособляемости, умение жить в различных языковых и культурных средах, осваивая язык, традиции, нормы принимающего общества, высокая мобильность в различных средах, определяемая не столько качественными параметрами, сколько интенсивностью и количеством взаимосвязей в этих средах), что позволяет говорить о специфической ментальности [Dahan, Sheffer, 2001].

По мнению экспертов гранта, в целом мигранты обладают особыми характеристиками, позволяющими априори учитывать их готовность к адаптации и (при наличии таких планов и перспектив) интеграции: *«Мигрант — это такой человек, который переселяется, да, который рискует переселиться... все поменять. Тут все бросить, там где-то все получить и иметь. У них, у всех мигрантов, есть одна замечательная черта, они очень энергичные и инициативные. Все. Эмигранты, которые*

очертя голову едут в неизвестность. Знаете, инертные люди дома сидят. А вот те, которые решаются... они все энергичные люди. И они энергичные не только в том, что переехали. Они совершенно по-другому себя позиционируют. Они совершенно по-другому себя ведут. Их дети по-другому себя ведут. Их дети по-другому учатся. Они стремятся. У них целеполагание гораздо серьезнее, чем у детей, у которых все есть» (О. Д. Воробьева, экспертное интервью, июль 2016 г.); «К нам приезжают на такие необходимые нам специальности люди очень мобильные, люди, способные на перенесение трудностей, поэтому то, что они вливаются в наши коллективы, они выступают даже некоторым стимулятором... И поэтому для нас, для нашего населения, это тоже толчок именно к продвижению» (Л. М. Дробижева, экспертное интервью, июль 2016 г.). Современные миграционные процессы позволяют усиливать позиции национальных диаспор за счет пополнения представителями определенного этноса, имеющими названные выше социальные характеристики, приобретать определенные преимущества по сравнению с другими прибывающими этническими группами или создавать конкуренцию для принимающего населения.

Все эти характеристики, приобретенные в условиях первичной/вторичной социализации в стране исхода и ресоциализации в принимающем обществе, пластичные социальные качества становятся условиями адаптации при определенных видах трудовой, отчасти сезонной миграции и интеграции, при безвозвратной миграции, а, следовательно, их наличие обязательно для диаспорного существования в стране-реципиенте, они позволяют сохранить свой язык, обычаи, собственную идентичность.

Природа взаимоотношений каждой диаспоры со страной пребывания зависит от размера диаспоры, социологического портрета диаспоры, позиции лидеров, культурных, исторических, политических особенностей страны пребывания. Но к описанным характеристикам необходимо отнести особые формы комплиментарной зависимости: умение ладить с властями, «сильными мира сего», демонстрация лояльности и доверия, полезности и солидарности. Это стратегические поведенческие стратегии. Так, по мнению П. Коллиера, со временем происходят два взаимнообусловленных процесса: с одной стороны, приобретенные качества, а также выстроенные связи и каналы коммуникации, способствуют абсорбции прибывающего населения, которая происходит быстрее при малочисленности мигрантов, но, с другой стороны, диаспоры постоянно пополняются, становясь своеобразными «магнитами», социальными ресурсами для постоянного процесса миграции: «пополнение диаспоры за счет миграции компенсирует отток людей из диаспоры вследствие их абсорбции в основное общество» [Коллиер, 2016: 123]. Данные процессы содержат миграционные риски, определяемые нами как мера неопределенности и возможных негативных (угрозы) и позитивных (шансы) последствий миграционных процессов, которые мы не успеваем осознать в связи с увеличением объемов миграции, а также из-за особенностей таких ее характеристик, как цели, структура, типологии, факторы, направления и т. д.

Зависимость кривой диаспоры от миграции и, позволим предположить, миграции от наличия диаспоры, ее функций и позиции в принимающем обществе, роль диаспор в управлении миграционными рисками, на наш взгляд, представляют перспективное направление в исследовании феномена диаспоры.

Как считает Л. М. Дробижева, «Национальные диаспоры играют особую роль... например, снижают уровень конфликтности полиэтничной среды... регулируют адаптацию мигрантов, но это надо исследовать» (Л. М. Дробижева, экспертное интервью, июль 2016 г.). Особая роль диаспор в интеграции иммигрантов связана с объединением этноса — первым, базовым этапом в миграционном процессе. При этом адаптация / частичная адаптация («приживаемость» по Л. Л. Рыбаковскому) может протекать по индивидуальному сценарию, но даже она предполагает выстраивание групповых диаспорных солидарных связей. «Трудовой мигрант... он приспосабливается, немножко адаптируется в некоторых вещах, потому что это, бесспорно. Он адаптируется к условиям, в какой-то степени к законам» (Л. Л. Рыбаковский, экспертное интервью, июль 2016 г.). Так, при сезонной миграции в Волгоградской области в одном из поселений, где привлекаются для сельскохозяйственных работ мигранты из Таджикистана, бытовые конфликты, возникающие из-за незнания языка, слабых адаптивных возможностей части мигрантов, отсутствия у них потребности следовать общепринятым образцам и традициям и/или незнания этих образцов и традиций, позволила предотвратить договоренность представителей таджикской диаспоры, успевших интегрироваться в местное сообщество, с казачьим атаманом о минимизации контактов с местным населением плохо адаптировавшихся мигрантов, обеспечении коммуникации через адаптированных/интегрированных представителей, которым делегировались транспортная доставка работников на поля, все коммуникации с местной властью, населением, включая посещение магазинов и других социальных объектов. Безусловно, данная стратегия не способствует адаптации прибывшего населения, приводит к его большей изолированности, «отделенности». Но тактически, учитывая временность пребывания мигрантов на данной территории, был использован социальный ресурс таджикской диаспоры и урегулированы латентные и явные конфликты, а также предупреждены будущие на стадии прогнозирования развития ситуации (грант РФФИ, Волгоградская область, по данным глубинных интервью с мигрантами, август 2016 г.).

Этническая консолидация диаспор и активизация их социального ресурса при адаптации и интеграции мигрантов проявляются в создании и функционировании различных этнонациональных общественных объединений — национально-культурных центров, ассоциаций, фондов, общественных организаций, землячеств, национально-культурных автономий и т. д.). По данным от 1 марта 2016 г., в Волгоградской области действует свыше 60 национальных общественных объединений, представляющих интересы национальных диаспор¹ (Эти институции,

¹ Волгоградская городская благотворительная общественная организация «Еврейский общинный центр», Волгоградская региональная еврейская национально-культурная автономия, Волгоградская городская общественная организация «Еврейская национально-культурная автономия г. Волгограда», Казахская национально-культурная автономия г. Волгограда, Азербайджанская национально-культурная автономия города Волгограда, Волгоградская региональная общественная организация «Азербайджанский культурный центр», Волгоградская областная общественная организация «Армянская община», «Волгоградская областная общественная организация «Армянская диаспора», Волгоградской региональной общественной организации «Волгоградский корейский центр «Мирин», Национально-культурная автономия немцев г. Волгограда, Волгоградская региональная общественная организация «Таджикская община Волгоградской области», Волгоградская областная общественная организация греков «Арго», Волгоградская городская общественная организация «Ассоциация польской культуры Новая Кропля», Волгоградская городская общественная организация «Русско-Арабское содружество», Волгоградская областная общественная организация «Русско-Вьетнамское содружество», Волгоградская областная общественная организация грузин «Иберия» и т. д.

безусловно, играют важную роль в деле достижения межнационального согласия, в развитии каждого народа и национальности, в формировании толерантной и солидарной среды в полиэтничных регионах.

Диаспоры через институциональные формы (этнонациональные объединения) обеспечивают возможность для общения соплеменников, популяризации своей культуры, восстановления ее утраченных элементов; в ряде случаев они вступают в диалог с местными или центральными органами власти по политическим и прочим вопросам, выступают связующим звеном во взаимодействии с этнической родиной. В качестве особой разновидности этнонациональных организаций ряд ученых предлагает выделять этнические агентства — организации, состоящие в основном из оплачиваемых профессиональных работников, а не из добровольцев, и имеющие инструментальный характер в миграционных процессах: этноконфессиональные (еврейские и армянские религиозные организации, а также некатолитические христианские приходы, проводящие богослужение на национальных языках); правозащитные (защита прав, свобод и интересов членов той этнической общности, к которой они себя причисляют); образовательные и просветительские (детские сады, школы и воскресные школы, организованные этнонациональными организациями); издательские; спортивные; молодежные и студенческие, организующие работу среди молодежи, объединение студентов в землячества; клубы, использующие экспрессивные методы (встречи с интересными людьми, чаепития, проведение праздников, танцевальных вечеров); благотворительные (действующие в основном благодаря финансовым поступлениям из-за рубежа и энтузиазму волонтеров); спонсорские (объединения бизнесменов в поддержку образовательных и благотворительных программ); национально-культурные, осуществляющие представительские функции конкретного этноса; полифункциональные, деятельность которых предполагает достижение различных, в том числе и оперативных целей. В Волгоградской области в трагическом 2013 г., когда были совершены террористические акты на территории региона, именно активная позиция этнонациональных объединений, выступивших с осуждением преступлений и консолидировавшихся, разделивших общее горе, и грамотная информационная политика способствовали установлению согласия в регионе и предотвращению межнациональных разрушительных конфликтов.

Не следует преувеличивать роль НКО, представляющих этнические группы стран исхода. Данные организации не стали в полной мере ресурсом, способствующим интеграции мигрантов. Помощь и поддержка соотечественникам в бытовых вопросах, информационно-правовых и культурно-адаптационных оказываются интенсивнее на первых этапах, впоследствии, по мнению экспертов, «контакты ослабевают и сводятся к ритуальным (празднества, мечеть, похороны, свадьбы, рождения)» [Дмитриев, Леденева, Назарова, 2013: 79]. Но даже на первых этапах адаптации в принимающем обществе использование социального ресурса этнонациональных объединений как социальных институтов диаспор не всегда решает проблемы, возникающие вследствие миграционных процессов. Так, по мнению эксперта гранта РФФИ: «Это некий социокультурный канал, но он местами искажен, сломан. Вся политика интеграции в этом направлении ушла в культурный аспект, «песни и пляски», по-другому говоря» (эксперт № 11, Волгоградская область, июль

2016 г.). Об этой же проблеме — недостаточном внимании к ресурсу национальных диаспор и использовании их институциональных форм взаимодействия только для реализации межнациональных культурных проектов — говорил один из представителей национальной общественной организации: *«Надоело быть шутами на праздниках, нам предлагают только спеть и станцевать, да в костюмах постоять... При этом плати деньги, и все проблемы будут решаться... Ничего не изменится...»* (Волгоградская область, информант, представитель таджикской диаспоры, июль 2016 г.). Как видим, существует определенное недовольство выстраиванием коммуникации между органами власти в регионах-реципиентах и представителями национальных диаспор. Это подтверждают и данные вторичных социологических исследований, согласно которым поддержку диаспор респонденты поставили на последнее место «среди основных ресурсов, содействующих успешной интеграции трудовых мигрантов» [Дмитриев, Леденева, Назарова, 2013: 78—79]. Индивидуальные стратегии адаптации и интеграции, основанные на определенных социальных качествах, неформальные сети поддержки, роль которых в интеграционном процессе неоднозначна, в современных условиях остаются более востребованными прибывающим населением, что также проблематизирует сферу взаимодействия диаспор и иммигрантов.

Работа диаспор в принимающих регионах не ограничивается деятельностью этнонациональных объединений. Объективные трудности, связанные с миграцией, сопровождаются субъективными, «которые возникают в связи с недобросовестной правоприменительной практикой, для подавляющего числа трудовых иммигрантов при реализации своего права на легальное пребывание и работу, неизбежно приводит к подталкиванию их в маргинальные структуры, широкому распространению незаконной эксплуатации труда иностранных работников вплоть до принудительного и рабского труда, а также торговли людьми» [Воробьева, Рыбаковский, Рыбаковский, 2016: 118—119]. Подобные действия осуществляются в том числе и представителями диаспор, которые «успешно» интегрировались и установили коррумпированные связи с представителями структур, участвующих в регулировании миграции. Говоря о социальном ресурсе диаспор, необходимо учитывать и негативную роль последних при посредничестве нелегальной миграции, участии в криминальных структурах, зачастую латентно-конфликтную позицию «этнополитических элит»; участие в радикальных исламистских группах, что порождает террористические угрозы, межнациональные, трудовые конфликты, примеры которых становятся предметом внимания СМИ, порождая противоречивую позицию населения к мигрантам, что не способствует консолидации регионального сообщества. Об этом свидетельствуют и полученные данные массового опроса, проведенного среди населения Волгоградской области в рамках реализации гранта РФФИ (Волгоградская область, июль — август 2016, n=500): 38,5% населения относится к этническим иммигрантам «уважительно, пока не задевается достоинство собственной национальности», 14,2% считают, что «миграция создает множество проблем для коренного населения», только 6% говорит, что «это прекрасно, и рад(а), что наша область так открыта для всех»; 1,6% респондентов выбрали вариант ответа «не терплю представителей национальностей, отличных от моей». Полученные данные свидетельствуют о шатком равновесии в межнациональной

и миграционной сферах и необходимости качественных управленческих усилий для его поддержания, так как 26,7% опрошенных иммигрантов тоже «уважительно относятся к представителям других национальностей, пока не задевается достоинство собственной национальности».

Таким образом, функции диаспор в принимающих регионах не ограничиваются поддержкой, развитием и укреплением духовной культуры своего народа, поддержанием национальной идентичности, сохранением этнического самосознания. Важнейшая выполняемая диаспорами функция — социальная. Она предполагает защиту социальных прав представителей данного народа. Это и помощь в трудоустройстве, различные формы вспомоществования, другие действия, направленные на содействие в решении социальных вопросов, и помощь в интеграции, расширении возможностей включенности в повседневный социальный и культурный контекст принимающей стороны, что в полной мере не используется как ресурс в связи со слабой информированностью прибывающих в страну мигрантов о существующих диаспорах — и это свидетельствует о неравномерности и ограниченности поддержки диаспор в адаптации и интеграции мигрантов.

Все большее значение приобретает экономическая функция, которую стремятся реализовать некоторые диаспоры, способствуя развитию экономической деятельности, в которой реализуются специфические виды производства народных ремесел, товаров народного потребления, национальной кухни. Развитие этих форм экономики обогащает жизнь не только представителей данной диаспоры, но и людей других национальностей и становится мощным интеграционным механизмом: *«Всякая культура имеет ценность, и общение с новой культурой всегда дает обогащение взаимное. Ну, возьмите... те территории, которые высокого уровня модернизации, в Америке, в Индии, там, где люди живут в хороших условиях и занимаются одинаковой работой. Люди работают вместе, бургеры едят вместе, ну, а дома будут есть плов, кому от этого плохо? Америке? Я видела, с каким удовольствием, когда открылись эти кафе, связанные с японской пищей, китайской, как они «валили» в эти кафе попробовать, что это такое новое. Потому что это не касалось дома, их работы, это касалось тех, где их принимали. Принимали их для сферы обслуживания очень хорошо»* (эксперт № 1, Москва, июль 2016 г.).

Реализация такой экономической функции, как право на торговлю, складывается в принимающем регионе несколько своеобразно, и тоже может породить противоречия и конфликты, криминальные формы взаимодействия. Эта функция связана с историческими особенностями функционирования диаспор в принимающем сообществе. По мнению В. Дятлова, «залогом безопасности для немногочисленных, чужеродных и потому политически бессильных групп... могла стать концентрация усилий в тех отраслях экономики и сферах жизни, на которые не слишком претендовали власть и силу имущие» [Дятлов, 1999: 16—20]. Сегодня в Волгоградской области большинство иммигрантов задействовано в сельскохозяйственном секторе и сфере услуг, связаны с работой на стройках и ремонте дорог, в розничной торговле, мигранты работают сиделками, уборщицами помещений, дворниками — то есть занимают не особо привлекательные для принимающего населения должности. Так, по мнению информанта гранта РФФИ, *«Местные не хотят работать на полях, уезжают из района или находят менее*

«пыльную» работу. Мы когда были пацанами, во время каникул все лето на полях подрабатывали, чтобы карманные деньги были, а сейчас местных не заставишь, все в город норовят уехать... за такие деньги только приезжие и работают...» (информант № 5, глава района Волгоградской области). Экономическая функция диаспор ограничена определенной структурной дискриминацией для занятия более высоких, статусных позиций в общественной структуре: «...есть проблема, которой не уделяется вообще никакого внимания. Проблема недоиспользования человеческого капитала мигрантов. Половина мигрантов с высшим образованием работают на малооплачиваемой работе, вообще не связанной со специальностью» (эксперт № 2, Институт социологии РАН, Москва, июль 2016 г.), что имеет и другую сторону — образование мигрантских секторов в экономике, вероятность возникновения анклавов в условиях провинциальных регионов и отсутствия специальных интеграционных программ, что также необходимо исследовать при выявлении социального ресурса диаспор.

Выводы и результаты

При анализе места и роли диаспор в адаптации и интеграции иммигрантов необходимо определить типы диаспор, возникающих в результате добровольной или вынужденной миграции, из суверенной страны или находящейся в условиях военного конфликта, в зависимости от времени их существования в регионе/стране — реципиенте [Новые диаспоры, 2002: 23], опыта, форм поддержки соотечественников, активности определенных представителей.

Описанные в статье свойства и функции национальных диаспор, социально-психологические характеристики их представителей, сформировались в определенных социально-исторических условиях и в основном характеризуют так называемые старые диаспоры (еврейские, армянские, греческие и др.), а также наблюдаемые столетиями практики их взаимодействия с принимающим сообществом в различных странах мира, основанные на региональной идентичности, торговых, финансовых связях, корпоративизме, что обеспечивает их деловой и личный успех как признак успешной интеграции. Новые вызовы связаны с качественно другим составом прибывающего населения, социокультурными кодами, установками, потребностями, возможностями и ограничениями их удовлетворения мигрантами в полиэтничных принимающих регионах, что требует дополнительных исследований.

При изучении роли национальных диаспор в современных миграционных процессах важным является представление о современных диаспорах как транснациональных общинах, которые в условиях глобализации, новых технологий, в том числе и информационных, создают внепространственные формы взаимодействия и обеспечивают адаптацию и интеграцию, независимо от страны нахождения «рассеянных» (диаспоральных) групп и их взаимоотношений с этнической родиной, что увеличивает субъектность национальных диаспор в формировании самой мотивации к миграции, а в дальнейшем в адаптации и интеграции иммигрантов, обеспечивает иной формат связей с этнической родиной, изменяет характеристики диаспоральных групп.

Ряд диаспор выполняют при этом политические функции, особенно в российских мегаполисах (выступление Фариды Асадуллина, ведущего научного сотруд-

ника Института Востоковедения РАН, советника председателя Совета муфтиев России «Москва как многонациональный мегаполис: взгляд на мусульманский компонент городской среды и социальных коммуникаций»; Международный урбанистический форум, Москва, июль 2017 г.), которые заключаются в лоббировании возможности обретения дополнительных прав и возможностей для своего народа, страны исхода, получения особых гарантий для ее эффективного развития, расширения полномочий как внутри России, так и на международной арене. Диаспоры воздействуют на международные позиции страны-донора и страны-реципиента.

Как видим, множество функций, форм взаимодействий, в том числе и институциональных, определяют позиции национальных диаспор в принимающих регионах, реализация которых проявляется в конкретном социально-историческом контексте и определенных региональных/страновых условиях. Новая социальная реальность, связанная с влиянием миграции на современное общество, нуждается в исследовании, осмыслении и разработке новой политики взаимодействия с национальными диаспорами, изменениях в адаптивных или интегративных стратегиях национальных диаспор и принимающего общества; изменениях установок, стереотипов в общественном сознании принимающего населения, настороженно или негативно относящегося к мигрантам ([Дроздова, 2016], всероссийские исследования²). Это позволит, выражая интересы населения, более гибко учитывать сложные, неоднозначные этнокультурные запросы в модели мультикультурального взаимодействия национальных диаспор и региона/страны — реципиента, которая на сегодняшний день, по мнению экспертов гранта РФФИ наиболее приемлема.

Наличие диаспоры, на наш взгляд, является важным фактором развития как отправляющего, так и принимающего общества, существенным моментом в выстраивании межгосударственных/межрегиональных взаимоотношений, управлении миграционными рисками. Диаспоры могут быть — при грамотной политике управления, регулирования, без перекосов в доминировании культурной составляющей — инфраструктурой связей, социальными ресурсами, посредниками и переводчиками цивилизационных кодов, что позволяет их рассматривать как каналы, «мосты» в интеграционном процессе и в отдельно взятых регионах/странах, и в глобальном мировом социальном пространстве.

Список литературы (References)

Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // *Диаспоры*. 2000. № 3. С. 6—11.

Brubeiker R. (2000) Cataclysm diasporas in Central and East Europe and their relation to motherland (on the example of Weimar Germany and post-Soviet Russia). *Diasporas*. No. 2. P. 6—11. (In Russ.)

Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность. М. : Экон-Информ, 2016.

² Опрос ВЦИОМ, 12—13 марта 2016 г., 1600 респондентов в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России (Мигранты на российском рынке труда: за и против). См. Пресс-выпуск № 3072 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 29.03.2016 URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643> (дата обращения: 27.08.2017).

Vorobyova O. D., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. (2016) Migration policy in Russia: history and present day. Moscow: Ekon-Inform Publishers. (In Russ.)

Дроздова Ю. А. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области) // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4. С. 100—109.

Drozдова J. A. (2016) Migration risks in multiethnic region: the case of Volgograd Region. Science Journal of VolSU. Philosophy. Sociology and Social Technologies. No. 4. P. 100—109. (In Russ.)

Дмитриев А. В., Леденева В. Ю., Назарова Е. А. Миграция в Москве: модели и перспективы: монография. М. : Альфа-М, 2013.

Dmitriev A. V., Ledeneva V. J., Nazarova E. A. (2013) Migration in Moscow: models and perspectives, a monograph. Moscow: Alpha. (In Russ.)

Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 10—22.

Diatlov V. (1999) Expatriate community: an attempt to sort out the terminology. *Diasporas*. 1999. No. 1. P. 10—22. (In Russ.)

Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора : Очерки социокультурной типологии. Ереван : Институт Кавказа, 2009.

Diatlov V., Melkonian E. (2009) Armenian expatriate community: an outline of socio-cultural typology. Erevan: Institut Kavkaza. (In Russ.)

Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир /пер. с англ. Н. Эдельмана. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.

Collier P. (2016) Exodus: how migration is changing our world. Moscow: Institut Gaidara Publishers. (In Russ.)

Новые диаспоры. Государственная политика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам в Венгрии, Украине и России / под ред. В. И. Мукомеля и Э. А. Паина. М. : Центр этнополитических и региональных исследований, 2002.

New diasporas. (2002) State policy regarding compatriots and national minorities in Hungary, Ukraine and Russia / ed. by V. I. Mukomel and E. A. Paine. Moscow: Centre for ethno-political and regional studies. (In Russ.)

Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Козна «Мировые диаспоры» // Диаспоры. 2004. № 4. С. 138—162.

Safran U. (2004) Comparative analysis of diasporas. Reflections on Robin Cohen's Global Diasporas. *Diasporas*. No. 4. P. 138—162. (In Russ.)

Тощенко Ж. Т. Постсоветское пространство: интеграция и суверенизация. Этносоциологические очерки. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1997.

Toschenko J. T. (1997) Post-Soviet space: integration and sovereignization, an ethno-sociologic outline. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)

Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162—184.
Sheffer G. (2003) Diasporas in global politics. *Diasporas*. No. 1. P. 162—184. (In Russ.)

Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6—16.

Shtompka P. (2001) Social change as trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 6—16. (In Russ.)

Cohen R. (1997) *Global Diasporas: An Introduction*. Washington: University of Washington Press.

Dahan M., Sheffer G. (2001) Ethnic Groups and Distant Shrinking Communication Technologies. *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 7. No. 1. P. 85—107. <https://doi.org/10.1080/13537110108428622>.